

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

1988 **2**

МУРЗИЛКА

ISSN 0132-1943

**СОВЕТСКОЙ
АРМИИ —
70 ЛЕТ**

Рис. Миши АСТАХОВА, г. Троицк

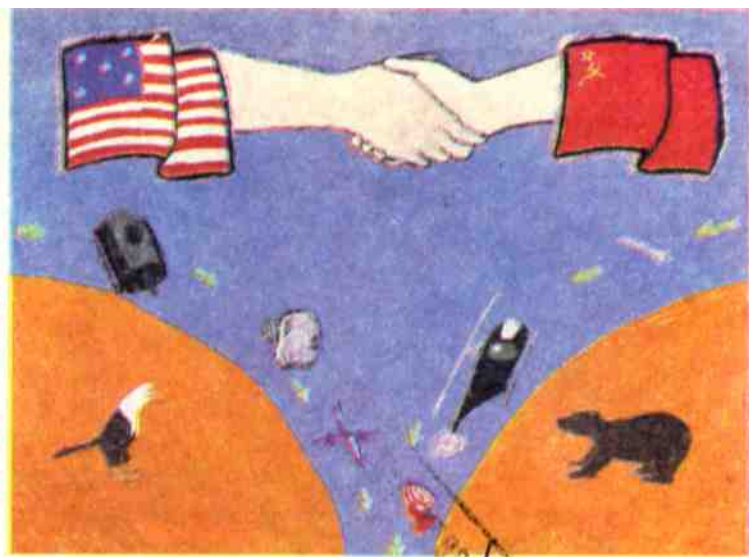

**Слава
нашим дедам
и прадедам,
защитившим
Родину от врагов!
Слава отцам
и старшим
братьям, стоящим
на страже
мирных границ!**

Рис. Кристофера ГАРРИСОНА, США
Рис. Ярослав НИКОЛЮКОВ, СССР

В нашей школе все октябрята и пионеры на сборах и на классных часах читают и говорят про то, как наша страна борется за мир. Мы хотим сказать спасибо Михаилу Сергеевичу Горбачёву за то, что он делает всё, чтобы был мир на Земле. Пусть всегда будет мир!

Наташа ЛЕКАРЕВА, г. Омск

Здравствуй, Мурзилка! Я и мои друзья хотим, чтобы не было войны. Мы хотим мира, чтобы учиться и трудиться.

Руслан КУЧЕРОВ, Ташкентская обл.

Дорогой Мурзилка! Как хорошо жить на мирной земле! Меня зовут Оксана, я учусь во втором классе. Все мы хотим, чтобы мир был на нашей планете, чтобы наши солдаты и все люди мира берегли его.

Оксана ЕФИМЕНКО, г. Славянск, Краснодарский край.

Виталии
Коржиков

рассказы из отцовского сундучка

Давно-давно, в детстве моём,
был у нас дома старый солдатский сундучок.
Ни гостинцев, ни особых нарядов, ни заводных игрушек в нём не водилось,
а тянуло к нему — невозможно сказать, как тянуло.

Бывало, ходишь рядом, на взрослых поглядываешь, вздыхаешь.

И ничего тебе не надо — только бы разрешили приоткрыть,
зацепиться за край одним глазком.

А там уж залезть совсем с головой — в старые отцовские значки,
краснознамённые грамоты со словами: «Верному бойцу революции».

Вытащить простреленную будёновку и фронтовой широкий ремень.

Да не просто ремень, а ремень с «историей». То-то и волновало,
что всякая вещь там была с историей.

А какие были фотокарточки!

Со всех фронтов отцовскими друзьями присланные!

Тот на коне, другой у пулемёта, третий у пушки.

У всех глаза суровые, взгляд прямой: готовы в бой, за власть Советов!

Бывало, наденешь отцовскую будёновку и в который раз переживаешь все истории,
слышанные от отца и его друзей.

И как всыпали свинцового перца адмиралу Колчаку, и как рубились с
Деникиным. И как показали барону Врангелю, в каком Крыму раки зимуют.

И словно шумит над тобой степной ветер.

И кажется, сам лежишь

с красными конниками в сабельную атаку.

И уже давно закрыт сундучок, и укрыли тебя одеялом,
а всё лежишь, не успокоишься, не уснёшь.

Потому что такие истории.

Всё летят и летят, зовут и зовут.

Не хотят успокаиваться.

ОДНО, ОБЩЕЕ ДЕЛО

Было это давно — в самую революционную пору.

Шёл домой фронтовой солдат. С долгой войны. Коренаст, крепкокул.

В синей от пороха руке сундучок. На плечах шинель.

Торопился солдат. Три года дома не был. Ушёл молодым, а возвращался бывалым. С царской войной покончил, царя с трона сбрасывал, слушал в Питере Ленина, Владимира Ильича. Слушал, запоминал: решительно берите власть в свои руки!

Вот и шагал он решительно домой. Хрустел под ногами первый ледок, морозил скулы родной морозец. Хорошо! Так и казалось: расскажет он землякам про Ленина, про Советскую власть, обрадуются люди, возьмутся за дело, и такая хорошая жизнь пойдёт!

Вон зажелтели уже старинные сосны с аистинными гнёздами и пчелиными дуплами. Шевельнула навстречу крыльями ветхая мельница. Затемнела за оврагом вековая липа, и прижалась к ней старая отцовская кузница... Вот и речка Ипать, и Сурож — городок маленький, да свой... А там школа — сам в неё ходил, и соседских детишек водил — Ванятку, Мишатку...

Совсем обрадовался солдат. Но подошёл к мосту и насторожился. Из-за роши, из-за деревьев выглянули дула винтовок, выскочили несколько человек, накинулись на него. По карманам зашарили, сундучок обыскали.

— Да вы что, люди добрые?! — словно бы удивился солдат, а сам отметил: вон тот в картузе — приказчик из магазина, другой — фабрикантский сынок...

— А то! Листовки есть? Выкладывай! Чтоб ни большевистских листовок, никаких газет. Ни про Ленина, ни про Советы!

— А что так?

— Будто не знаешь! Выдумали какую-то Советскую власть.

«Вон оно что», — смекнул солдат. И спрашивает:

— Так это вы Советскую власть в город не пускаете?

— И не пустим! Нам и при нашей не плохо жуётся.

— Ну, ну, — усмехнулся солдат. — Попробуйте...

Так и вошёл мой отец в свой родной

город. Заглянул домой в хатёнку, обнялся с матерью, сёстрами, поставил в угол сундучок и в город, на базар. Не за покупками, за разговорами.

Походил, послушал. Тот шелестит вязанками лука и чеснока, у другого нитки сушёных грибов качаются. Сходятся мужики, то шепчутся, то шумят:

— А землю делить будут? Сеять скоро!

— Вон новая власть придёт...

— А какая она, новая?

И Ванятка тут, и Мишатка тут. Подросли, вытянулись. Семечки лузгают, разговоры слушают.

Не выдержал отец, скинул шапку, вскочил на сани, говорит:

— А та Советская власть, которая с нами советуется, землю нам даёт, чтоб хлеб растили. Фабрики и заводы рабочим, чтоб для себя работали. Школы вашим детям даёт — учитесь! Только её самим брать надо, а не ждать, когда дадут. Решительно брать, так сказал товарищ Ленин!

Тут уже толпа про торговлю забыла, придвинулась. Стоят, смотрят: кто такой? Это же Тит, сын кузнеца Михайлы!

— А ты что, Ленина слышал?

— Слышал, — рубанул отец воздух. — Так и сказал, чтоб власть брали, а не по углам шушукались!

Толпа вздохнула. А солдаты, тоже бывалые люди, говорят:

— Ты, Тит, не горячись. Тут и до тебя умные головы были, да силёнок у нас маловато. У них вон оружие, — и кивнули в сторону рощи. — Они матроса с «Авроры» убили. И немца, если что, как соседние богатеи, на помощь позовут. Думать надо.

— Думать надо! — согласился отец. — Но не только думать!

Поговорил ещё, посоветовался. И в тот же вечер пропал.

Лесными тропами да мёрзлыми болотами пробирались красные партизаны на большую станцию, мимо вражеских постов, собирались в одну силу, в крепкую армию. Пробился на станцию и отец, прошёл к молодому командиру, к Щорсу, по-свойски, по-солдатски выложил:

— Выручай, Николай! Буржуята у нас на дороге засели, Советскую власть, видишь ли, в город не пускают! Ты выручишь — и мы в долгу не останемся.

Улыбнулся, кивнул Щорс:

— Ладно! Одно дело общее делаем!

Вернулся отец к городку с боевым отрядом, а по дороге ещё партизан с пушкой встретил. Пушечка старая и снарядов всего два. А пригодилась. Развернули её на окраине города, прицелились: «Ну!» Ударили одним снарядом в сторону рощи — за матроса с «Авроры»! Прошлись поверху пулемётной очередью. Сыпанули в небо с деревьев вороны, а рощинские вояки ещё быстрее — кто куда.

Вошёл красный отряд в город. Собрался на площади народ. Поднялся отец на орудийную повозку, посмотрел, поискал кого-то:

— Ну что? Значит, не пустите Советскую власть? А она будет. По всей нашей земле будет. Чтоб был у людей мир да совет.

Обрадовались земляки хорошему слову. И только «вояки» жалась по углам, злобились: «Ну держись, Тит!»

Как-то собрался отец с заданием в соседний городок — Клинцы. Мальчонкой ездил туда, бывало, с соседями. Лошадки, дедом кованные, так и выцокивали: «Клин-цы. Клин-цы!» Там и фабрика, и ярмарка, и народу полно.

Теперь не до веселья. Пробираться надо тайком, с оглядкой. Пыхтит на путях, как железный боров, германский бронепоезд, грозит пушками, щетинится пулемётами! Захватили немцы Украину, свирепствуют, вместе с буржуями грабят.

Ездит по Клинцам комендант барон фон Гоц — каска с набалдашником, глаза навывкате, зыркает: «Гонят отобранный скот? Гут! Везут для Германии зерно... Гут! Не отдают коров! Расстрелять. Сопротивляются? Повесить!»

Отец про него сочинил частушку:

В гости к нам забрался фон.

Грабит он, лютует он.

Только скоро этот гость

На горячий сядет гвоздь!

Рассвирепел Гоц: «Агитирует? Схватить большевика, повесить». Только

сперва возьми! У отца скулы стали жёстче да подбородок круче.

Напялил на голову заячий треух, распахнул шинель, ремень в карман сунул. Идёт по городу Емеля Емелей, мужичок-простачок. А глаза всё видят, темнеют: потащили немцы бурёнку... Гайдамаки, буржуйские служки, парнишку к тюрьме волокут, руки выворачивают, а мать — нагайкой по спине, по лицу... Качается под виселицей верёвка... Индевеет на стене приказ:

«За неповиновение германскому командованию расстрелять»...

Сдвинул брови отец, скрипнул зубами, кулак, синий от пороха, тяжелей стиснул. Проскользнул мимо часовых в железнодорожную мастерскую: к бою, к бою пора готовиться! Товарищ Ленин велит...

Заглянул и к немцам в казарму. Пообшарпались солдаты. Рогатые каски с голов сбросили. Потирают затылки. Ропщут, Гоца ругают. Угостил отец их махоркой, говорит — по-свойски, по-солдатски:

— Ругаете Гоца? Правильно! Он ведь и вас расстреляет. Вы же рабочие люди! В руках у вас оружие! Езжайте домой. Гоните фонов! А мы своих одолеем! Миром жить будем!

Закивали солдаты — хоть и с оглядкой:

— Правильно! Рихтиг! Поедем!

Но кто-то и докладывать побежал. Да только отец уже шагал далеко. Шагает тропой, на пороховой кулак ремень солдатский наматывает: «Ну держись, Гоц! Держись, гайдамаки!»

Выбрался, наконец, на знакомую опушку, вздохнул, снежок сверкает. Тишина, покой.

И вдруг крик:

— Стой, Тит! Попался!

Выскочили трое — и к отцу. А он оглянулся — вскинул над головой что-то тяжёлое, чёрное: «Ложись, взорву!»

Отпрянули налётчики, согнулись. А отец командует:

— По одному — вперёд!

Довёл их до околицы, да как развер-

нёт ремень, да как прошёл одному по спине — в воздухе ахнуло. Другого по шее кулаком — крепким, кузнецким. Бросились вояки в стороны — и за углы. Не догнать!

Скоро запахло в Суроже свежим сеном, заскрипели по дорогам сани, телеги. Потянулись люди на сход, к площади. Кругом только и разговоров, как Тит солдатским ремнём чуть было голубчиков не взорвал. А он оглядел всех исподлобья, вышел на крыльцо.

— Смеётесь, поёте?

А один мужичок говорит:

— А что не веселиться? Теперь наша власть.

Нахмурился отец:

— Рядом горе гуляет. Народ кровью захлёбывается! В Клищах ваших братьев немцы и гайдамаки насмерть се-

кут! В Чернигове вешают. Что же мы, смотреть будем?

Притихла толпа.

— Неужто родных братьев в беде оставим?

— Не оставим! — сказал Мишатка.

— Не оставим! — поддержал Ванюшка.

— Не будем, не оставим, — сказал отец. — За братьев родных ни сердца, ни головы не пожалеем!

А мужичок вышел вперёд, говорит:

— Голову ты пожалей. Кой-чего стоит. Вон фон Гоц хорошие деньги даёт за неё. — И отцу из-за пазухи листовку протягивает. За ним ещё один. А там третий. Полно листовок!

Прочитал отец, рассмеялся:

— Хитёр Гоц, да глуп: листовок-то много, а голова одна. Вы бы лучше

